

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский

ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!
Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, –
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..
Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напевааете Северянина!
Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!
Я И НАПОЛЕОН
Я живу на Большой Пресне,
36, 24.

Место спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется – какое мне дело,

что где-то

в буре-мире

взяли и выдумали войну?

Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни некоторые
дрожат, пугливо поворачивая
глаза громадные, как прожекторы?
Уличные толпы к небесной влаге
припали горящими устами,
а город, вытрепав ручонки-флаги,
молится и молится красными крестами.
Простоволосая церковка бульварному изголовью
припала, – набитый слезами куль, –
а у бульвара цветники истекают кровью,
как сердце, изодранное пальцами пуль.

Тревога жиреет и жиреет,
жрет зачерстневший разум.

Уже у Ноева оранжереи
покрылись смертельно-бледным газом!

Скажите Москве –
пускай удержится!

Не надо!

Пусть не трясется!

Через секунду

встречу я

неб самодержца, –

возьму и убью солнце!

Видите!

Флаги по небу полощет.

Вот он!

Жирен и рыж.

Красным копытом грохнув о площадь,
въезжает по трупам крыш!

Тебе,

орущему:

«Разрушу,

разрушу!»,

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,

я,
сохранивший бесстрашную душу,
бросаю вызов!
Идите, изъеденные бессонницей,
сложите в костер лица!
Все равно!
Это нам последнее солнце –
солнце Аустерлица!
Идите, сумасшедшие, из России, Польши.
Сегодня я – Наполеон!
я полководец и больше.

Сравните:
я и – он!
Он раз чуме приблизился тронем,
смелостью смерть поправ, –
я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских яфф!
Он раз, не дрогнув, стал под пули
и славится столетий сто, –
а я прошел в одном лишь июле
тысячу Аркольских мостов!
Мой крик в граните времени выбит,
и будет греметь и гремит,
оттого, что
в сердце, выжженном, как Египет,
есть тысяча тысяч пирамид!
За мной, изъеденные бессонницей!

Выше!
В костер лица!
Здравствуй,
мое предсмертное солнце,
солнце Аустерлица!

Люди!
Будет!
На солнце!
Прямо!
Солнце съежится аж!
Громче из сжатого горла храма
хрипи, похоронный марш!
Люди!

Когда канонизируете имена
погибших,
меня известней, –
помните:

еще одного убила война –
поэта с Большой Пресни!

ГИМН СУДЬЕ

По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандальное ржанье,
орут о родине Перу.

О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.

Банан, ананасы! Радостей груды!
Вино в запечатанной посуде..
Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!

И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи – пара жестянок
мерцает в помойной яме.
Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, –
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

А возле Перу летали по прерии
птички такие – колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.
И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».
В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».
Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье...
Лишь, злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.
А знаете, все-таки жаль перуанца.
Зря ему дали галеру.
Судьи мешают и птице, и танцу,
и мне, и вам, и Перу.

ГИМН УЧЕНОМУ

Народонаселение всей империи –
люди, птицы, сороконожки,
ощетинив щетину, выперев перья,
с отчаянным любопытством висят на окошке.
И солнце интересуется, и апрель еще,
даже заинтересовало трубочиста черного
удивительное, необыкновенное зрелище –
фигура знаменитого ученого.
Смотрят: и ни одного человеческого качества.
Не человек, а двуногое бессилие,
с головой, откусанной начисто
трактатом «О бородавках в Бразилии».
Вгрызлись в букву едящие глаза, –
ах, как букву жалко!
Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр
случайно попавшую в челюсти фиалку.
Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный,
но ученому ли думать о пустяковом изъяне?
Он знает отлично написанное у Дарвина,
что мы – лишь потомки обезьяны.
Просочится солнце в крохотную щелку,
как маленькая гноящаяся ранка,
и спрячется на пыльную полку,
где громоздится на банке банка.
Сердце девушки, вываренное в иоде.
Окаменелый обломок позапрошлого лета.
И еще на булавке что-то вроде
засушенного хвоста небольшой кометы.
Сидит все ночи. Солнце из-за домишки
опять ослабилось на людские безобразия,
и внизу по тротуарам опять пригостишки
деятельно ходят в гимназии.
Проходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек глуп и покорен;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.
ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ
По морям, играя, носится
с миноносцем мнононосица.
Льнет, как будто к меду осочка,
К миноносцу миноносочка.
И конца б не довелось ему,
благодарностью миноносьюему.
Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.
Как взревет медноголосина:
«Р-р-р-астакая миноносина!»

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится,
а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносьюму.
Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?

ГИМН ЗДОРОВЬЮ

Среди тонконогих, жидких кровью,
трудом поворачивая шею бычью,
на сытый праздник тучному здоровью
людей из мяса я зычно кличу!
Чтоб бешеной пляской землю овить,
скучную, как банка консервов,
давайте весенних бабочек ловить
сетью ненужных нервов!

И по камням острым, как глаза ораторов,
красавцы-отцы здоровых томов,
поташим мордами умных психиатров
и бросим за решетки сумасшедших домов!
А сами сквозь город, иссохший, как Онания,
с толпой фонарей желтолицых, как скопцы,
голодным самкам накормим желания,
поросшие шерстью красавцы-самцы!

ГИМН КРИТИКУ

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
невзрачный детеныш в результате вытек.
Мальчик – не мусор, не вывезешь на тачке.
Мать поплакала и назвала его: критик.
Отец, в разговорах вспоминая родословные,
любил поспорить о правах материнства.
Такое воспитание, светское и салонное,
оберегало мальчика от уклона в свинство.
Как роется дворником к кухарке сапа,
щебетала мамаша и кальсоны мыла;
от мамы мальчик унаследовал запах
и способность вникать легко и без мыла.
Когда он вырос приблизительно с полено
и веснушки рассыпались, как рыжики на блюде,
его изящным ударом колена
провели на улицу, чтобы вышел в люди.
Много ль человеку нужно? – Ключок –
небольшие штаны и что-нибудь из хлеба.
Он носом, хорошеньким, как построчный пяточок,
обнюхал приятное газетное небо.
И какой-то обладатель какого-то имени
нежнейший в двери услышал стук.
И скоро критик из имениного вымени
выдоил и брюки, и булку, и галстук.
Легко смотреть ему, обутому и одетому,
молодых искателей изысканные игры
и думать: хорошо – ну, хотя бы этому
потрогать зубенками шальные икры.
Но если просочится в газетной сети
о том, как велик был Пушкин или Дант,
кажется, будто разлагается в газете
громадный и жирный официант.
И когда вы, наконец, в столетний юбилей
продерете глазки в кадильной гари,
имя его первое, голубицы белей,
чисто засияет на поднесенном портсигаре.
Писатели, нас много. Собирайте миллион.
И богадельню критикам построим в Ницце.
Вы думаете – легко им наше белье
ежедневно прополаскивать в газетной странице!

ГИМН ОБЕДУ

Слава вам, идущие обедать миллионы!

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

И уже успевшие наесться тысячи!

Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны
и тысячи блюдищ всяческой пищи.

Если ударами ядр

тысячи Реймсов разбить удалось бы –

по-прежнему будут ножки у пулярд,

и дышать по-прежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят

величием смерти для новой эры?!

желудку ничем болеть нельзя,

кроме аппендицита и холеры!

Пусть в сале совсем потонут зрачки –

все равно их зря отец твой выделал;

на слепую кишку хоть надень очки,

кишка все равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,

если б рот один, без глаз, без затылка –

сразу могла б поместиться в рот

целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,

с куском пирога в руке,

а дети твои у тебя на брюхе

будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови

и тем, что пожаром мир опоясан, –

молоком богаты силы коровьи,

и безмерно богатство бычьего мяса.

Если взрежется последняя шея бычья

и злак последний с камня серого,

ты, верный раб твоего обычая,

из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов,

на памятнике прикажем высечь:

«Из стольких-то и стольких-то котлет миллионов –

твоих четыреста тысяч».

ТЕПЛОЕ СЛОВО КОЕ-КАКИМ ПОРОКАМ

(ПОЧТИ ГИМН)

Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,

бухгалтер или бухгалтерова помощница,

ты, чье лицо от дел и тощищи

помятое и зеленое, как трешница.

Портной, например. Чего ты ради

эти брюки принес к примерке?

У тебя совершенно нету дядей,

а если есть, то небогатый, не мрет и не в Америке.

Говорю тебе я, начитанный и умный:

ни Пушкин, ни Щепкин, ни Врубель

ни строчке, ни позе, ни краске надуманной

не верили – а верили в рубль.

Живешь утюжить и ножницами раниться.

Уже сединою бороду пёревил,

а видел ты когда-нибудь, как померанец

растет себе и растет на дереве?

Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете,

выделятся и вытянутся какие-то дети,

мальчики – бухгалтеры, девочки – помощницы,

те и те будут потеть, как потели эти.

А я вчера, не насилуемый никем,

просто,

снял в «железку» по шестой руке

три тысячи двести – со ста.

Ничего, если, приложивши палец ко рту,

зубоскалят, будто помог тем,

что у меня такой-то и такой-то туз

мягко помечен ногтем.

Игроческие очи из ночи

блестели, как два рубля,

я разгружал кого-то, как настойчивый рабочий

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
разгружает трюм корабля.
Слава тому, кто первый нашел,
как без труда и хитрости,
чистоплотно и хорошо
карманы ближнему вывернуть и вытрясти!
И когда говорят мне, что труд и еще и еще,
будто хрен натирают на заржавленной терке,
я ласково спрашиваю, взяв за плечо:
«А вы прикупаете к пятерке?»
ВОТ ТАК Я СДЕЛАЛСЯ СОБАКОЙ
Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой –
взял бы
и все обвыл.
Нервы, должно быть...
Выйду,
погуляю.
И на улице не успокоился ни на ком я.
Какая-то прокричала про добрый вечер.
Надо ответить:
она – знакомая.
Хочу.
Чувствую –
не могу по-человечьи.
Что это за безобразие!
Сплю я, что ли?
Ощупал себя:
такой же, как был,
лицо такое же, к какому привык.
Тронул губу,
а у меня из-под губы –
клык.
Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.
Бросился к дому, шаги удвоив.
Бережно огибаю полицейский пост,
вдруг оглушительное:
«Городовой!
Хвост!»
Провел рукой и – остолбенел!
Этого-то,
всяких клыков почище,
я и не заметил в бешеном скачке:
у меня из-под пиджака
развеерился хвостище
и вьется сзади
большой, собачий.
Что теперь?
Один заорал, толпу растя.
Второму прибавился третий, четвертый.
Смяли старушонку.
Она, крестясь, что-то кричала про черта.
И когда, ошетинив в лицо усища-веники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я стал на четвереньки
и залаял:
Гав! гав! гав!
КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА
В ресторане было от электричества рыжé.
Кресла облиты в дамскую мякоть.
Когда обиженный выбежал дирижер,
приказал музыкантам плакать.
И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба – изловчившись – в сытую морду

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

ударил горстью медных слез.
Еще не успел он, между икотами,
выпихнуть крик в золотую челюсть,
его избитые тромбонами и фаготами
смяли и скакали через.
Когда последний не дополз до двери,
умер щекою в соусе,
приказав музыкантам выть по-зверьи –
дирижер обезумел вовсе!
В самые зубы туше опóенной
втиснул трубу, как медный калач,
дул и слушал – раздутым удвоенный,
мечется в брюхе плач.
Когда наутро, от злобы не евший,
хозяин принес расчет,
дирижер на люстре уже посиневший
висел и синел еще.
ПУСТЯК У ОКИ
Нежно говорил ей –
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, – не звезда, а девушка...
А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко...
Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
и локоть и талию.
Вы мне мешааете
у камыша идти...»
ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ НЕЛЕПОСТИ
Бросьте!
Конечно, это не смерть.
Чего ей ради ходить по крепости?
Как вам не стыдно верить
нелепости?!
Просто именинник устроил карнавал,
выдумал для шума стрельбу и тир,
а сам, по-жабьи присев на вал,
вымаргивается, как из мортир.
Ласков хозяина бас,
просто – похож на пушечный.
И не от газа маска,
а ради шутки игрушечной.
Смотрите!
Небо мерить
выбежала ракета.
Разве так красиво смерть
бежала б в небе паркета!
Ах, не говорите:
«Кровь из раны».
Это – дико!
Просто избранных из бранных
одаривали гвоздикой.
Как же иначе?
Мозг не хочет понять
и не может:
у пушечных шей
если не целоваться,
то – для чего же
обвиты руки траншей?
Никто не убит!
Просто – не выстоял.

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Лег от Сены до Рейна.

Оттого что цветет,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.

Не убиты,
нет же,
нет!

Все они встанут
просто –
вот так,
вернутся

и, улыбаясь, расскажут жене,
какой хозяин весельчак и чудак.
Скажут: не было ни ядр, ни фугасов
и, конечно же, не было крепости!
Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!

ГИМН ВЗЯТКЕ

Пришли и славословим покорненько
тебя, дорогая взятка,
все здесь, от младшего дворника
до того, кто в золото заткан.
Всех, кто за нашей десницей
посмеет с укором глаза́ весть,
мы так, как им и не снится,
накажем мерзавцев за зависть.
Чтоб больше не смела вздыматься хула,
наденем мундиры и медали
и, выдвинув вперед убедительный кулак,
спросим: «А это видали?»

Если сверху смотреть – разинешь рот.
И взиграет от радости каждая мышца.
Россия – сверху – прямо огород,
вся наливаётся, цветет и пышится.
А разве видано где-нибудь, чтоб стояла коза
и лезть в огород козе лень?..
Было бы время, я б доказал,
которые – коза и зелень.

И нечего доказывать – идите и берите.
Умолкнет газетная нечисть ведь.
Как баранов, надо стричь и брить их.
Чего стесняться в своем отечестве?

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

Неужели и о взятках писать поэтам!
Дорогие, нам некогда. Нельзя так.

Вы, которые взяточники,
хотя бы поэтому,

не надо, не берите взяток.

Я, выколачивающий из строчек штаны, –
конечно, как начинающий, не очень часто,
я – еще и российский гражданин,
беззаветно чтущий и чиновника и участок.

Прихожу и выплакиваю все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю.

Думает чиновник: «Эх, удалось бы!

Этак на двести птичку вытелю».

Сколько раз под сень чиновник,
приносил обиды им.

«Эх, удалось бы, – думает чиновник, –
этак на триста бабочку выдоим».

Я знаю, надо и двести и триста вам –
возьмут, все равно, не те, так эти;
и руганью ни одного не обижу пристава:
может быть, у пристава дети.

Но лишний труд – доить поодиночно,

вы и так ведете в работе года.

Вот что я выдумал для вас нарочно –

Господа!

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Взломайте шкапы, сундуки и ларчики,
берите деньги и драгоценности мамашины,
чтоб последний мальчонка в потненьком кулачке
зажал сбереженный рубль бумажный.

Костюмы соберите. Чтоб не было рваных.
Мамаша! Вытряхивайтесь из шубы беличьей!

У старых брюк обшарьте карманы –
в карманах копеек на сорок мелочи.

Все это узлами уложим и свяжем,
а сами, без денег и платья,
придем, поклонимся и скажем:

Нате!

Что нам деньги, транжирам и мотам!

Мы даже не знаем, куда нам деть их.

Берите, милые, берите, чего там!

Вы наши отцы, а мы ваши дети.

От холода не попадая зубом на зуб,

станем голые под голые небеса.

Берите, милые! Но только сразу,

чтоб об этом больше никогда не писать.

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

Мрачные до черного вышли люди,

тяжко и чинно выстроились в городе,

будто сейчас набираться будет

хмурых монахов черный орден.

Траур воронов, выкаймленный под окна,

небо, в бурю крашеное, –

все было так подобрано и подогнано,

что волей-неволей ждалось страшное.

Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя,

пыльного воздуха сухая охра,

вылез из воздуха и начал ехать

тихий катафалк чудовищных похорон.

Встревоженная ожила глаз масса,

гору взоров в гроб бросили.

Вдруг из гроба прыснула гримаса,

после –

крик: «Хоронят умерший смех!» –

из тысячегрудного меха

гремел омиллионенный множеством эх

за гробом, который ехал.

И тотчас же отчаяннейшего плача ножи

врезались, заставив ничего не понимать.

Вот за гробом, в плаче старуха-жизнь, –

усопшего смеха седая мать.

К кому же, к кому вернуться назад ей?

Смотрите: в лысине – тот –

это большой, носатый

плачет армянский анекдот.

Еще не забылось, как выкривил рот он,

а за ним ободранная, куцая,

визжа, бежала острота.

Куда – если умер – уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.

Но еще,

еще откуда-то плачики –

это целые полчища улыбочек и улыбок

ломали в горе хрупкие пальчики.

И вот сквозь строй их, смокших в один

сплошной изрыдавшийся Гаршин,

вышел ужас – вперед пойти –

весь в похоронном марше.

Размокло лицо, стало – кашица,

смятая морщинками на выхмуренном лбу,

а если кто смеется – кажется,

что ему разодрали губу.

МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

(ГИМН ЕЩЕ ПОЧТЕЕ)

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Май ли уже расцвел над городом,
плачет ли, как побитый, хмуренький декабрик, –
весь год эта пухлая морда
маячит в дымах фабрик.
Брюшком обвисшим и гаденьким
лежит на воздушном откосе,
и пухлые губы бантиком
сложены в 88.
Внизу суетятся рабочие,
нищий у тумбы виден,
а у этого брюхо и все прочее –
лежит себе сыт, как Сытин.
Вкусной слюны разлились волны,
во рту громадном плещутся, как в бухте.
А полный! Боже, до чего он полный!
Сравнить если с ним, то худ и Апухтин.
Кони ли, цокая, по асфальту мчатся,
шарканье пешеходов ли подвернется под взгляд ему,
а ему все кажется: «Цаца! Цаца!» –
кричат ему, и все ему нравится, проклятому.
Растет улыбка, жирна и нагла,
рот до ушей разросся,
будто у него на роже спектакль-гала
затеяла труппа малороссов.
Солнце взойдет, и сейчас же луч его
ему щекочет пятки холеные,
и луна ничего не находит лучшего.
Объявляю всенародно: очень недоволен я.
Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,
характер – как из кости слоновой точен,
а этому взял бы да и дал по роже:
не нравится он мне очень.

Комментарии

Вам! Впервые, под заглавием «Вам, которые в тылу», – сб. «Взял», Пг., 1915.

Маяковский читал стихотворение 11 февраля 1915 года в Петрограде, в артистическом кафе «Бродячая собака». У публики, которая в основном состояла как раз из тех, к кому было обращено стихотворение, чтение вызвало взрыв возмущения.

Северянин, Игорь (Лотарев Игорь Васильевич, 1887–1942) – русский поэт, в творчестве которого отчетливо звучали мотивы декаданса, глава эгофутуристов.

Я и Наполеон. Впервые – сб. «Весеннее контрагентство муз», М., 1915.

Характерными для стихотворения являются образы жгучей печали и гнева, свойственные антивоенным, антибуржуазным произведениям поэта того периода. «Маяковский стремится изобразить человека, так сказать, на пределе его эмоциональной напряженности, на пределе страдания, возмущения, протеста, готовности к самой отчаянной борьбе со всем окружающим строем» (Л. Тимофеев. «Поэтика Маяковского». М., изд. «Советский писатель», 1941, стр. 35).

Я живу на Большой Пресне, 36, 24 – местожительство Маяковского в Москве.

Уже у Ноева оранжереи... – цветочный магазин Ноева в Москве, на Петровке.

...солнце Аустерлица... – слова Наполеона, сказанные им на рассвете дня Бородинской битвы. В 1805 году Наполеон одержал крупную победу под Аустерлицем.

...по тысячам русских Яфф. – Образ навеян фактом посещения в 1799 году чумного госпиталя в Яффе Наполеоном.

...тысячу Аркольских мостов. – сравнение, в основу которого положен исторический факт. В 1796 году Наполеон, ведя в атаку штурмовую колонну, едва не был убит при переходе через Аркольский мост (итальянское местечко Арколь).

Гимн судье. Впервые, под заглавием «Судья», – журн. «Новый сатирик», Пг.,

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru 1915, № 9.

Стихотворение входит в цикл сатирических стихов Маяковского, иронически названных им впоследствии «гимнами».

«В сатирических «гимнах» объектом внимания поэта являются отдельные институты буржуазной цивилизации: правосудие, наука, искусство и т. д. Вместе они создают выразительную картину прогнившего строя. Какие бы явления капиталистического мира ни освещал поэт, он видит в них одну общую черту; враждебность человеку. Это придает сатире Маяковского ярко выраженный гуманистический характер» (А. Метченко. «Маяковский. Очерк творчества», М., изд. «Художественная литература». 1964, стр. 65).

В «Гимне судье» поэт, прибегая к эзопову языку, рисует картину далекой экзотической страны Перу и бичует царский бюрократический аппарат России. «Долой ваш строй!». Эта тема – основная для всех «гимнов» Маяковского.

Гимн ученому. Впервые, под заглавием «Ученый», – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 12.

Стихотворение направлено против оторванной от жизни народа буржуазной науки.

Военно–морская любовь. Впервые – журн. «Новый Сатирикон», Пг., 1915, № 25.

За шуточной интонацией, игривыми образами и каламбурными рифмами в стихотворении звучит тема протеста против империалистической войны.

Гимн здоровью. Впервые – журн. «Новый Сатирикон», Пг., 1915, № 27.

Гимн критику. Впервые – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 28.

«Под стать «ученому» «братья–писатели». Вместо того чтобы сеять «разумное, доброе, вечное», они усердно занимаются помрачением умов, способствуют одичанию человека...

Всеобщая вражда, поедание друг друга породили тип буржуазного критика, беспринципного дельца, с повадками цепного пса и лакея – в зависимости от того, о ком он пишет» (А. Метченко. «Маяковский. Очерк творчества», стр. 65).

Гимн обеду. Впервые – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 29.

Это стихотворение, как и «Гимн здоровью», – «сатирический апофеоз обжорства «жирных», здесь характерный штрих: Маяковский бичует «желудок в панаме» также и за то, что ему безразлична «картина крови», и то, что «пожаром мир опоясан», – трагедия войны, которую так глубоко и остро переживал поэт» (Г. С. Черемин. «Ранний Маяковский», стр. 92).

Теплое слово кое–каким порокам. (Почти гимн). Впервые – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 30.

Вот так я сделался собакой. Впервые – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 31.

Кое–что по поводу дирижера. Впервые – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 32.

Пустьак у Оки. Впервые – журн. «Новый сатирикон», Пг., 1915, № 33.

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – русский писатель–сатирик. С 1913 года – редактор «Нового сатирикона». После Октябрьской социалистической революции эмигрировал во Францию. Его книгу рассказов эмигрантского периода

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru («Дюжина ножей в спину революции», 1921) В. И. Ленин охарактеризовал как талантливую книжку, написанную с позиции «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца...» (Полн. собр. соч., т. 44, стр. 249).

Великолепные нелепости. Впервые – журн. «Новый сатирик», Пг., 1915, № 34.

Гимн взятке. Впервые – журн. «Новый сатирик», Пг., 1915, № 35.

Внимательное отношение к взяточникам. Впервые – журн. «Новый сатирик», Пг., 1915, № 35.

Чудовищные похороны. Впервые – журн. «Новый сатирик», Пг., 1915, № 36.

Гаршин, Всеволод Михайлович (1855–1888) – русский писатель, его творчество отличалось обостренным и болезненным восприятием трагизма жизни, социальной несправедливости.

Мое к этому отношение (Гимн еще почтее). Впервые, без подзаголовка, – журн. «Новый сатирик», Пг.. 1915, № 38.

В этом «гимне» дается обобщенный образ капиталиста, олицетворяющего буржуазию:

«Брюшком обвисшим и гаденьким
лежит на воздушном откосе,
и пухлые губы бантиком
сложены в 88».

Вся образная система дорисовывает капиталиста: «пухлая морда», «вкусной слюны разлились волны, во рту громадном плещутся», «растет улыбка, жирна и нагла, рот до ушей разросся». Весь мир под пятой капиталиста, даже солнце, взойдя, «ему щекочет пятки холёные».

Образу капиталиста противопоставлен здесь уже социально конкретизированный лагерь миллионов обездоленных («Внизу суетятся рабочие, нищий у тумбы виден...»). Прямо и определенно показывает Маяковский, что мир разделен на эксплуататоров и эксплуатируемых. И от имени обездоленных, от имени рабочих поэт выражает свое недовольство: «Объявляю всенародно, очень недоволен я». Это недовольство существующим положением уже само по себе предполагает активные действия, направленные на изменение существующего строя.

В дальнейшем «капитализма портрет родовой», впервые нарисованный в этом стихотворении, найдет свое яркое и полное завершение в поэме «Владимир Ильич Ленин». Образы «гимна» развиваются в поэме в социально-историческом плане: «громадный рот» капиталиста из «гимна» в поэме «враз и царства и графства сжевал с коронами их и с орлами». Капитализм с «брюшком обвисшим и гаденьким» «встучел». Он «раздобыл и распух», «перерос себя, за него работает раб». Капитализм и в «гимне» и в поэме лежит на пути общественного прогресса, «У истории на пути»,

«Его не объехать,

не обойти,

единственный выход –

взорвать!»

«Сатириконские» «гимны» Маяковского несли в себе прямой политический заряд и даже со страниц буржуазно-либерального журнала «Новый сатирик» поэт вел интенсивный артобстрел, готовя себя к будущим боям за социализм. «Гимны» Маяковского, характерные своей яркой художественной оригинальностью, беспощадной резкостью и бескомпромиссностью обличения, огромной силой социального протеста, – прямое продолжение великих традиций русской классической сатиры от Кантемира до Салтыкова-Щедрина.

..лежит себе сыт, как Сытин. – Каламбур построен на звуковом совпадении слова «сыт» и фамилии известного издателя и книготорговца.

Стихотворения (1915). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Сравнить если с ним, то худ и Апухтин. – Апухтин А. Н. (1841–1893) – русский поэт. Тучность Апухтина вызывала насмешки.

Спектакль-галá – парадный спектакль. (Прим. В. Маяковского.)

В. Макаров.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!